

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск IV

СМОЛЕНСКИЕ ВОЙНЫ XV-XVII ВВ.

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург

2015

ББК 63.3(0)5 УДК 94

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

К.Л. Козюрёнок

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск. IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_4>

© www.milhist.info

© Бенцианов М.М.

MILHIST

INFO

Бенцианов М.М. Смоленский «город»: проблемы формирования и службы в XVI в.

Смоленская десятня «1574» г.

Родословные росписи

На годовой службе «в Смоленску»

Государевы помещики

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/02/26/bencianov_1

Ссылка для печатных изданий:

Бенцианов М.М. Смоленский «город»: проблемы формирования и службы в XVI в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. - 2015. - Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. – С. 95-130 <http://www.milhist.info/2015/02/26/bencianov_1> (26.02.2015)

www.milhist.info

2015

М. М. Бенцианов

СМОЛЕНСКИЙ
«ГОРОД»

Проблемы формирования
и службы в XVI в.

Взятие Смоленска в 1514 г. зафиксировало западную границу Русского государства на несколько последующих столетий. Смоленская земля разительно отличалась от всех предыдущих примеров территориальных приобретений московского правительства в войнах с Великим княжеством Литовским. Статус Смоленска был подтвержден несколькими «*привилеями*», в которых отдельными пунктами оговаривались права «*князей, бояр и панов смоленских*». Из всех городов московско-литовского порубежья Смоленск имел наиболее тесные связи с господарской властью. Многочисленные смоленские бояре активно проявляли себя на служебном поприще, выполняя различные военные и административные поручения, среди которых были и собственно смоленские «*уряды*», получая за них щедрые пожалования от виленского двора. Всего, по подсчетам М. М. Крома, в конце XV в. здесь насчитывалось порядка 150 боярских родов¹. Это не менее 700–800 человек, к которым следует добавить ещё несколько тысяч смолян более низкого ранга: путных бояр, панцирных, доспешных, щитных слуг и так далее. Развитые традиции имело в Смоленске городское самоуправление. Недостаточно было, таким образом, просто завоевать этот город. Следовало решить вопрос о его закреплении в системе Русского государства, тем более, что занимавший важное стратегическое положение Смоленск являлся ориентиром для населения близлежащих городов и крепостей, которые внимательно следили за происходящими там событиями.

Присоединение Смоленска и общий ход военной кампании 1512–1514 гг. получили весьма подробное освещение в историографии. Значительно меньшее внимание уделялось вопросам дальнейшего пребывания Смоленской земли в составе Русского государства. В нескольких обобщающих работах период между взятием Смоленска в 1514 г. и его героической обороной в начале следующего столетия (1609–1611 гг.) набрасывался широкими мазками, без достаточного специального исследования темы. Как правило, в них отсутствовал анализ источников и некритично воспринимались сведения разборной десяти «*дворян изведенцов и городов туточных уроженцов*» — так называемой «*смоленской десяти 1574 г.*»². Тема «выводов» прежних смоленских землевладельцев была рассмотрена М. М. Кромом в контексте изучения политики московского правительства по закреплению новоприсоединенных земель. По признанию самого автора, однако, он ограничивался рассмотрением лишь «*начальной стадии этого процесса*»³. Ряд важных наблюдений по истории Смоленской земли XVI в. был высказан в работах источниковедческого характера, но не получил дальнейшего развития⁴.

Такое «невнимание» историков к смоленской проблематике имеет вполне объективный характер и связано с дефицитом сохранившихся источников. Сведения летописных текстов, относящихся к Смоленску, крайне лаконичны и, зачастую, дают простор для различных толкований. Не сохранились до нашего времени тексты писцовых описаний Смоленского уезда, а поземельные акты с упоминанием «*смольнян*» можно, буквально, пересчитать по пальцам. Более широкие возможности дает использование посольских книг. Смоленские помещики часто фигурируют в качестве приставов и гонцов при дипломатических сношениях с Польско-Литовским государством, Римской империей и с папским престолом. Всего, таким образом, удастся насчитать несколько десятков имен за различные годы. Посольская переписка сохранила также инструкции, дававшиеся участникам этого процесса — послам и посланникам, отправлявшимся с дипломатическими миссиями, а также смоленским наместникам, принимавшим и проводившим через границу очередные группы дипломатов.

Представители смоленской корпорации встречаются в так называемом «*Синодикe по убиенных во брани*», при поминании убитых

во время нашествия Девлет-Гирея на Москву 1571 г. Компактную группу «смолян» удастся выделить также при перечислении погибших во время похода на Кесь в 1578 г. Большой массив информации дают сводная десятня новиков, составленная в 1596 г., и перечень служивых людей архиепископских кафедр конца XVI в.⁵ Продуктивным является также привлечение родословных росписей.

Недостаток источников и их односторонняя направленность в значительной мере компенсируются за счет привлечения источников начала XVII в., ретроспективный анализ которых позволяет восстановить некоторые из существующих пробелов.

Смоленская десятня «1574» г.

Отдельно следует сказать о смоленской десятне «1574» г.⁶ Важность этого документа определяется большим числом уникальных известий, характеризующих территориальную принадлежность «*изведенцов*» и социальное происхождение «*туточных уроженцов*». Первым из историков обратил внимание на этот источник Л. М. Сухотин. Указав на ряд хронологических несоответствий, в том числе на наличие в ней имен позднего времени, он высказал предположение о возможности раннего происхождения исходной основы этого документа. По его мнению, первоначальный текст десятни был составлен в начале 60-х гг. XVI в., а впоследствии неоднократно пополнялся новыми именами на протяжении нескольких десятилетий. Традиция «удревнения» десятни была продолжена другими исследователями. В. П. Мальцев, например, считал возможным относить ее создание к середине XVI в. Более взвешенный подход был продемонстрирован В. Д. Назаровым и М. П. Лукичевым, которые поставили вопрос о принципиальной недопустимости использования этого источника без специального источниковедческого анализа⁷.

Необходимо понимать, что указанная десятня, вне зависимости от времени ее составления, отражала далеко не весь наличный состав служивых людей. Выпущенными оказались целые фамилии, чья служба по Смоленску прослеживается по другим источникам, начиная с 40-х — 50-х гг. XVI в. Характерен пример Дивовых. Образец Дивов в качестве пристава из Смоленска упоминался в посольских книгах еще в 1542 г. В более поздней и достоверной десятне 1606 г. упоминается

восемь представителей этой фамилии⁸. То же касается Сукмановых и Шокуровых. В. Сукманов в 1550 г. ездил с грамотами от смоленского наместника, его сын Санбул погиб в 1571 г. во время нашествия Девлет-Гирея. Смоленский помещик Р.С. Шокуров в 1557 г. был приставом при литовском посольстве. В десятне 1606 г. фигурируют Г.К. Сукманов и трое Шонуровых⁹. Достаточно рано появились в Смоленске представители Оболевых и Волосатого, отсутствующих в тексте десяти. Без сомнения, по Смоленску служили Садиловы, переселенные в 1581 г. в Казань¹⁰.

Сравнительный анализ десяти осложняется дефектностью дошедших до нас списков, Вахрамеевского и Муравьевского, которые, очевидно, были сделаны с уже испорченного оригинала. Это наблюдение распространяется как на основной текст десяти, так и на примыкающие к нему росписи голов и недорослей *«того же разбору»*.

Сопоставление с текстом десяти 1606 г., содержащей более 1200 имен, показывает недопустимо частое употребление здесь некоторых редких имен и отчеств. В десятне «1574» г. 16 раз встречается отчество «Деев» («Деевы»), которое носит 23 человека. Так же обстоит дело с близким по звучанию отчеством «Фадеев» («Фадеевы»). Всего это отчество упомянуто не менее 9 раз, а его носителями были 12 человек. Но в десятне 1606 г. нет «Деевых» и «Фадеевых». Имя Фадей носил один человек — неслужильный новик Фадей Ефимьев. Этот ряд можно продолжить. В десятне и примыкающих к ней списках сотников и недорослей присутствует 13 «Ерофеев» и шесть «Ерофеевых», восемь «Макавеев» и двое «Макавеевых». В некоторых случаях удается восстановить первичное написание. Невежа Деев Самарин, например, соотносится с Невешкой Дмитриевым Самариным десяти 1606 г.¹¹

В ряде мест имена и отчества были объединены, в других наоборот, разделены позднейшими переписчиками. Рядом были записаны Дружина Кузьмин и Захарий Ануфриев Довотчиков, а в списке недорослей тот же Дружина Кузьмин значится рядом с Ануфрием и Захаром Чюриными (Тюриными) Довотчиковыми. Захар Чюрин Довотчиков действительно жил в конце XVI в., но неизвестно, был ли у него брат Ануфрий или это имя принадлежало его отцу. Более вероятно последнее и дефектность источника в этом случае налицо¹².

Эти же выводы применимы и к перечню городов «*изведенцов*». Однофамильцы и, вероятно, близкие родственники, расписываются по разным уездам, зачастую удаленным друг от друга. Б.Я. Тухачевский показан выходцем из Новгорода, а Г.М. Тухачевский — из Воротынска. Второй Любачев Харламов был отнесен к Белой, Второй М. Харламов — к Рязани, хотя возможно, что это один человек, в то время как И.Г. Харламов — уже к Мурому¹³. Сделанные приписки в изначальном тексте могли относиться к другим лицам.

Подобные «ошибки» отражались при определении земцев. Список новиков 1596 г. перечисляет несколько десятков их имен. В значительной степени эти имена пересекаются с десятней «1574» г., но в ряде случаев расходятся, и существенно. Например, В.И. и Д.С. Козловские в десятне новиков отнесены к земцам. Это определение согласуется с одной из жалованных грамот короля Сигизмунда, в которой фигурируют «*земцы*» Козловские («*что земцы Козловские упростили*»). В десятне Козловские «распределились» по Рязани, Костроме и Белеву. Пример с Козловскими далеко не единичен. Шестеро Груздавцевых считались земцами, а двое — выходцами из Рязани. Близость написания слов «*резанцы*» и «*земцы*», кажется, определила возникшую путаницу. Среди земцев в десятне новиков 1596 г. фигурировали также Коптяжины и Лутошины. В десятне «1574» г. известны «*рязанцы*» Я., Н. и З. Коптяжины, а также С. и Ф.И. Лотошины¹⁴. Но Груздавцевы, Коптяжины и Лутошины не встречаются в рязанской писцовой книге 1594–1597 гг. и в актовых материалах Рязанского края. Кроме того, возможно, в ряде случаев вместо «Гороховец» следовало читать «Торопец». Подобные же разночтения видны при записи Глебовых и Моложениновых.

Эти наблюдения подтверждаются сопоставлением имен десятины с известными по другим территориям источниками. Хорошо представлен за вторую половину XVI в. Каширский уезд, где удается восстановить персональный состав служилых людей на протяжении нескольких десятилетий. Отсутствуют в этом списке Деденевы, Монастыревы, Бакины, Ленины, Языковы, Якушкины. Представители перечисленных фамилий встречаются в других уездах. Деденевы были связаны с западными уездами, близкими Смоленску: Торопец, Великие Луки, Невль, Можайск. В тексте десятины наблюдается та же «путаница»:

Ф. А. Деденев числился выходцем из Каширы, Б. и Ф. В. Деденевы считались «*изведенцами*» из Новгорода, а Б. Ф. Деденев — из Рыльска¹⁵.

Существуют основания говорить о позднем характере этого источника. Обращаясь к списку недорослей, точнее отрывку из него, Л. М. Сухотин считал, что он был составлен значительно позднее 1574 г. Это наблюдение справедливо. Среди недорослей фигурируют Иван Михайлов, Дружина Кузьмин и Захар Чюрин Довотчиковы, Все они — лица вполне исторические, известные по другим источникам. В 1606 г. эти люди были впервые поверстаны в качестве новиков: И. М. и Евдоким-Дружина «*от братьи в отвод*», а З. Чюрин — «*к прожиточным поместьям*». В 1610 г. Дружина получил поместье от короля Сигизмунда. Его родственники, И. М. и З. Чюрин Довотчиковы, в 1613 г. находились в польском плену. Встречаются среди недорослей также И. В. Соколов, сын боярский в десятне 1606 г., новики Ф. (Фурсик) Л. Дернов, верстания 1605 г., и Ф. И. Философов («*без поместий*»)¹⁶.

В источниках начала XVII в. встречается еще несколько бывших «*недорослей*». Д. Калинин Самарин упоминался в 1613 г. в списке польских пленников. Хорошо известен также Г. Т. (Воинов) Битяговский, брат недоросля Т. Воинова Битяговского. Свою службу он начал где-то в 1608 г. и служил вместе со «*смоляны*» вплоть до 50-х гг. XVII в. В 20–30-е гг. служил и Василий Андреев Суколенов¹⁷. Список недорослей, таким образом, был составлен незадолго до начала XVII в., так что к 1605–1606 гг. названные в нем лица достигли служебной годности.

Обычно недоросли включались в общий подсчет при проведении масштабных верстаний. Подобное верстание проводилось в Смоленске в 1597 г. окольными С. Ф. Сабуровым, И. А. Жеребцовым и дьяком В. Нелюбовым, отразившись в целом ряде дворянских родословных¹⁸. Хронологически эта дата вполне согласуется с приведенными данными. Косвенным образом связь десяти «1574» г. со смотром 1597 г. подтверждается сведениями из родословной Баскаковых, где говорится о записи по Смоленску в 1-й десятне М. К. Баскакова с окладом в 300 четей. Этот оклад соответствует размеру наделов городских детей боярских 1-й десяти рассматриваемого источника, равно как и его специфическому делению на десятки. Однако речь здесь шла о десятне 1597 г.

Можно обнаружить некоторых названных в списке недорослей лиц в тексте самой десятни. Это, прежде всего, те же И.М., Дружина К. и, вероятно, З. Чюрин (Ануфриев) Довотчиковы, И.В. Соколов, а также Г.И. Трегубов¹⁹. Именно список недорослей, таким образом, предшествовал десятне «1574» г. Определенная близость обнаруживается также при сопоставлении десятни «1574» г. с текстом смоленской десятни 1606 г. Всего удастся насчитать более десятка пересечений. Помимо тех, кто уже перечислялся в списке недорослей, в обоих этих источниках фигурируют Невежа Деев (Дмитриев) Самарин, Т.И. и П.К. Довотчиковы, И.Я. Румянцев (новичок 1598 г., по родословным данным), В.И. Бакин, Б.Ф. Деденев, Е.И. Руднев, И.Б. Баташев. Из позднейшей челобитной Невежи Самарина выясняется существование у него брата Ефима. Ефим Деев (Дмитриев) Самарин также встречается в десятне «1574» г.²⁰

Еще в нескольких случаях, учитывая употребление редких и мало-распространенных имен и прозвищ, отождествления кажутся вероятными. В десятне «1574» г. встречаются Зилот Прокофьев и Зилот Шарাপов Озеренские. Кого-то из них, или их обоих, если это одно лицо, можно соотнести с известным десятне 1606 г. Зилотом Зимановым Озеренским. Василий Минеев Безстужев может быть Василием Меньшово Безстужевым. В десятне «1574» г. встречаются Влас и Афанасий Деевы Кушелевы, а в десятне 1606 г. фигурируют новики верстаня 1605 г. Влас Васильев и Афанасий Иванов Кушелевы²¹.

Явные параллели можно обнаружить также между десятней «1574» г. и другими источниками начала XVII в. Известно, что десятня 1606 г. отразила далеко не весь наличный состав смоленского служилого города. По подсчетам С.В. Александрова существует 253 человека, отсутствующих в разборе 1606 г. Многие новики 1596 г., которые не встречаются в этой десятне, позднее служили в составе смоленской корпорации²².

Уже была отмечена условность употребления отчеств типа «Деев-Фадеев». Видимо в этом ряду находится случай Нелюба Дорофеева Ракова. Характерное прозвище позволяет отождествить его со стрелецким сотником Нелюбом Васильевым Раковым, известным по смоленской крестоприводной грамоте 1598 г.²³ Несколько примеров дают жалованные грамоты короля Сигизмунда 1610–1611 гг. В одной из

них упоминается Алексей Позняков, унаследовавший поместье своего брата Михаила. В десятне «1574» г. присутствуют Алексей и Михаил Ерофеевы Позняковы. Вне зависимости от того, какое отчество в действительности носили братья Позняковы (Борисовы), отождествление кажется вероятным. То же можно заметить относительно Осана Никитина Кожина. В 1610 г. Осан, Константин и Федор Кожины получили поместье в Смоленском уезде²⁴. Упоминается в одной из жалованных грамот Иван Неклюдов. Возможно, это — И. Ф. Неклюдов, известный десятне «1574» г. В 1614 г. в Ярославле находился белозерский помещик смолянин Дмитрий Копылов, имя которого также встречается в десятне «1574» г.²⁵ Скорее всего, можно отождествить Андрея Фадеева Суколенова с сыном известного деятеля рубежа веков Нелюба Суколенова, дьяка в Великом Новгороде, а прежде смоленского помещика. Андрей Нелюбов Суколенов получил в 1611 г. смоленское поместье своего отца. Одним из детей боярских верстаня в 1596 г. был Влас Мокшеев, который соотносится с Власом Осиповым Мокшеевым. В том же верстании среди новиков назван В. И. Козловский²⁶.

Обнаруживаются фигурирующие в десятне «1574» г. лица и за пределами Смоленского уезда. Наиболее показателен пример Воина Васильева Битяговского. В 1602–1606 гг. он был выборным дворянином по Алексину, что соответствует сведениям десятни, показывающим его «*изведенцем из Олексина*». Здесь же ему принадлежало поместье²⁷.

В тексте десятни «1574» г., таким образом, присутствует достаточно большое число лиц, связанных по своей службе с началом XVII в. При этом характер их упоминания носит органичный характер, что исключает возможность вставки или позднейшей приписки. Можно попытаться определить и верхнюю границу возможного составления десятни. В 1609 г. упоминается вдова Е. И. Руднева. Его «*порозжее*» поместье в 1610 г. было передано родственникам. В раздачу пошло также поместье П. Довотчикова. Известно также, что во время осады Тулы летом — осенью 1607 г. погиб Воин Битяговский²⁸.

Сложнее вопрос с нижней границей. Еще Л. М. Сухотин допускал компилятивный характер этого источника, использующего разновременные записи. Не отрицая этот вариант, хочется заметить, что обнаружить хронологически ранние пласты убедительно не удалось ни самому Л. М. Сухотину, ни последующим исследователям²⁹. Это выглядит

тем более удивительно, что смоленские «*изведенцы*» должны были сохранять за собой вотчины, а, может быть и поместья, по прежнему месту службы. Пример Баскаковых доказывает это утверждение. В 1603/04 г. Ф. Т. Шемяка Баскаков закладывал свою родовую вотчину в Переславском уезде. В качестве послухов в этом акте фигурировали его родные братья, а также двоюродные — Василий и Евдоким Ивановы Баскаковы. Практически все эти лица известны смоленской десятне 1606 г. В. и Е. И. Баскаковы были сыновьями И. Д. Баскакова, который фигурирует в списке убитых во время нашествия Девлет-Гирея смолян. То есть, к 1571 г. Баскаковы определенно служили по Смоленску, сохраняя за собой переславские вотчины. Впоследствии родовые земли перешли по наследству к Е. И. Баскакову³⁰.

Текст десятни вместе с примыкающими списками «*того же разбору*» смоленских голов и недорослей выглядит однородным. Его структура подчиняется внутренней логике, со строгой разбивкой на отдельные десятки (десятни), с постепенным уменьшением поместных окладов и жалования. Говорить о компилятивном характере этого источника можно с большой условностью и только применительно к отдельным лицам. Дважды здесь были записаны Я. Ф. Сназин, И. Я. Веснин, Дружина Довотчиков, Г. Ф. Трегубов, С. Шарапов Бердяев, С. М. Ширков, Я. И. Ивошин-Корытов. Близость прозвищ позволяет отождествить Семого Фадеева и Семого Ефимова Кудрявого, а также Второго Любачева и Второго Матвеева Харламовых. Часто подобные примеры обнаруживаются при перечислении родственников. Я. Ф. Сназин был помещен возле И. Г. Сназина, И. Я. Веснин — Н. Семово Веснина; С. Шарапов Бердяев рядом с братом Лукьяном; Дружина К. Довотчиков и С. М. Ширков — в окружении близких родственников³¹. Это свидетельствует об использовании текста десятни в течение определенного промежутка времени, а также подтверждает вмешательство позднейших переписчиков, деливших документ, со всеми приписками и дополнениями, на правильные десятки.

Все вышесказанное, однако, не означает полного отказа от использования десятни «1574» г. как исторического источника. Ее сведения дополняют имеющиеся данные о составе смоленского «*города*» в начале XVII в. Например, в десятне фигурируют А. и М. Ф. Петрищевы. Петрищевы определенно входили в это время в состав смоленского

«города». В кормленной книге Костромской четверти встречается смолянин А. А. Петрищев, у которого при Василии Шуйском «оклад был из чети». Киреевские также встречаются в тексте десятины «1574» г. и служат со «смольняны» в первой половине XVII в.³²

В ряде случаев сведения десятины (без поименной идентификации) подтверждаются другими источниками. Всего удастся насчитать несколько десятков имен, территориальная принадлежность которых подтверждается другими источниками. Еще в ряде случаев речь идет о близких уездах. Важно отметить «бытовой» характер рассматриваемого источника. Зачастую, отражение в нем получали «сказки» и «памяти» служилых людей, а также сведения личного характера, известные составителю, которые далеко не всегда соответствовали действительности. Тем не менее, определенные сведения заслуживают внимания.

Так, выходцами из Тулы были Сухотины. Непрерывную историю этого рода удастся проследить со второго десятилетия XVI в. В конце века Сухотины принадлежали к элите тульского дворянства. Писцовая книга 1587–1589 гг. среди прежних владельцев одного из поместий называет Шемета Сухотина. Очевидно, именно он был отцом известных смоленской десятне 1606 г. М. Шемякова и Я. Шеметова Сухотиных. В реликтовом слое вяземской писцовой книги 1594–1595 гг., восходящем к 50-м гг. XVI в., встречается имя Шемета Сухотина. Не вызывает сомнения, что это один и тот же человек³³.

Из помещиков Северо-Запада десятня показывает Челищевых и Хрипуновых «изведенцами» из Торопца и Невли. В Торопце в начале XVII в. поместьями владели Русин, Чеботай и Г. Ф. Челищевы. Возможно это братья известных десятне А. и А. Меньшого Ф. Челищевых. Посник Челищев известен как невельский помещик. Хрипуновы, в свою очередь, принадлежали к числу торопецких помещиков³⁴. Правдоподобными кажутся связи с Псковом для некоторых Уваровых и Чихачевых. Уваровы считали себя выходцами из Пскова. Чихачевы же определенно служили по северо-западным уездам страны: Торопецкому, Великолуцкому, Пусторжевскому и Псковскому. С Ржевой Пустой были связаны Кокошкины³⁵.

В Костромском уезде известны были Пановы. В 1586/87 г. В. Н. Панов, возможный отец смоленских детей боярских из десятины 1606 г. Г. и В. В. Пановых, упоминался в качестве послуха в Костромском

уезде. Старинными суздальскими вотчинниками были Трегубовы. Подтверждается также служба Уваровых, Лихаревых и Писаревых по Кашире, а Рудневых по Туле³⁶. Выходцами из Медыни в Десятне были показаны Полтевы, Соколовы и Битяговские. Наиболее отчетливо связь с Медынью прослеживается у Полтевых. Еще в конце XV в., часть владений Полтевых *«тянула»* к Медыни. Позднее, Полтевы вошли в состав медынской *«литвы дворовой»*. В 80-е гг. XVI в. многие Полтевы продолжали владеть землями, в том числе и вотчинами на территории Медынского уезда³⁷. С Медынским уездом были связаны и Соколовы. Некоторые из них были известны отрывку медынской писцовой книги 1588 г. Здесь же упоминается Л. Н. Битяговский³⁸. По Алексину в начале XVII в. служили Арцыбашевы и некоторые Битяговские. Киреевские в начале XVII в. встречаются на службе в Белеве. Н. и П. И. Киреевские десяти «1574» г. и белевцы И. и Ф. И. Киреевские, возможно, были братьями и могли быть сыновьями стрелецкого сотника И. Ф. Киреевского³⁹.

Из других имен подтверждаются территориальные связи Щулепниковых, которые встречаются в Тверском, Переславском и Волоцком уездах. В XVII в. некоторые представители этой фамилии служили по Зубцову. Хорошо известны были в составе бельской корпорации Языковы. Еще Л. М. Сухотиным была отмечена связь Шишковых с Новоторжским уездом⁴⁰. Находит отражение в источниках и упоминание о службе смоленским архиепископам. В конце XVI в. на владычной службе известны были Пешковы и Хохловы⁴¹. Известны были в начале XVII в. иноземцы Ольшевские. *«Иноземец»* Я. П. Ольшевский получил за осадное сидение в Москве 1607 г. вотчину в Можайском уезде от правительства Василя Шуйского. Другой *«иноземец»* Л. Ольшевский в 1627 г. владел поместьем в Вологодском уезде, где поместья получили *«городом»* многие смоляне⁴².

Отдельного внимания заслуживает информация о происхождении служилых людей из числа земцев. Десятня, скорее всего, была составлена на основании *«сказок»*, выписок из делопроизводственных документов: десятиен, писцовых книг и личных знаний ее составителей. Последнее обстоятельство предопределило появление в ней большого числа *«уникальных»* сведений о земцах — *«туточные уроженцы»*, *«попа Федора дети»* и так далее. В позднейших родословных Бердяевы

прямо указывали на свое происхождение из Смоленска, приурочивая выезд предка Я. В. Бердяева к середине XV в. Сопоставление с другими источниками показывает, что совершенно обоснованно земцами в десятне рассматривались Шестаковы, Дерновы, Раковы, Трубниковы, Лесковы, Поганцевы, Груздавцевы, Козловы, Вошкины. Если признать справедливым предположение о взаимозаменяемости помет «земцы» — «*рязанцы*», то к их числу можно прибавить Коптяжиных, Козловских, Лотошиных. Высока вероятность, что земцами были Ходневы, Коверзины, Копыловы и Ширковы. Интересен пример Шатихиных. Все три пометы, относившиеся к представителям этого рода в десятне, отражали их достаточно низкий социальный статус: «*пушкаревы дети*», «*служки монастырскова сын*», «*дьячков*». Шатихины действительно котирировались в Смоленске весьма невысоко. В 1576 г. Григорий Шатихин был рассыльщиком, и в этом качестве ездил с грамотой от смоленских воевод⁴³.

Далеко не всегда приведённые в десятне данные обозначали, что служилые люди происходили именно из указываемых уездов. Воин Битяговский «*из Алексина*», например, в 1602–1606 гг. был выборным дворянином по Алексину. Позднее, алексинское поместье принадлежало также его вдове Матрене и сыну Роману. По Алексину в начале XVII в. служил также Демьян Васильев Битяговский, вероятно, брат Воина. Однако в Алексинском уезде эта семья появилась сравнительно недавно. Начиная с 40-х гг. XVI в. Битяговские владели смоленскими поместьями. С этого времени можно проследить непрерывную службу предков Воина Битяговского «*на смоленском рубеже*». Среди смолян впоследствии служили его сыновья Гаврила и Роман⁴⁴. Воин Битяговский по своему происхождению принадлежал к смоленским помещикам. Сведения же десяти, показывающей его «*изведенцем*» из Алексина, подтверждаются лишь косвенно. В действительности в Алексин братья Битяговские попали как раз из Смоленска. Неизвестны были в составе смоленского «*города*» также Челищевы и Хрипуновы, которые служили по Торопцу. Сделанные пометы отражали связи этих лиц со Смоленском. Но такие связи могли быть двусторонними: сами служилые люди были выходцами из этих уездов и, наоборот, они, являясь смоленскими помещиками, были отправлены туда на службу. В этом отношении десятина «1574» г. напоминает своеобразный очищающий

список, которые широко практиковались в первые годы после Смуты. Ее данные позволяют представить сложную картину взаимодействия смоленского «города» с другими служилыми корпорациями, отложившиеся в памяти информаторов десяти.

Подводя итоги, следует отметить необходимость осторожного отношения к сведениям, извлекаемым из десяти «1574» г., которые могут выступать только в качестве дополнения, пусть порой весьма яркого, к имеющейся информации из других источников.

Родословные росписи

С большой осторожностью следует воспринимать и сведения родословных росписей. Ряд из них для раннего времени содержит откровенно фальсифицированные сведения, например, родословные Бестужевых, Потемкиных. Во многих других приведена ссылка на ряд реальных исторических событий, участие в которых представителей указанных родов, однако, кажется хронологически маловероятным. Родословная Кузьминых, выведивших себя от новгородских бояр, содержит, например, ряд уникальных сведений: *«В лето 7022-го как Господь Бог покорил город Смоленск великому князю Василью Ивановичу из-за Литвы и тогда переведены из разных городов в Смоленск дворян добрых семейных людей. И в то число переведены из Великого Новгорода в Смоленск Иван Васильев сын Кузмин, да с ним сын его Иван, да с ним же Иваном племянник его Степан Кузмин»*. Дальнейший анализ этой родословной показывает ее хронологическую несообразность. Внук И. И. Кузьмина Кузьма Истомина в 1634 г. был ранен *«тяжкими ранами»*. Его отец числился в десяти 1606 г. Названный в родословной Степан Степанов Кузьмин (сын племянника И. В. Кузьмина) погиб в 1571 г. во время нашествия Девлет-Гирея. То есть, первые смоленские переселенцы могли появиться здесь не ранее 30–40-х гг. XVI в.⁴⁵

Другой характерный пример — сведения об опале и последующем переселении в Смоленск в родословной Уваровых, введенной в научный оборот С. Б. Веселовским: *«При царе Иване Васильевиче Владимире Иванов, Роман и Андрей Захаровы, Матвей и Низовец Васильевы, Курбат и Михаил Яковлевы Уваровы сосланы и испомещены по Смоленску»*. Причиной этой опалы называлось родство Уваровых с Евдокией Сабуровой, женой царевича Ивана — мать Евдокии из рода Уваровых.

В 1575 г. она была пострижена в монастырь, что и предопределило судьбу ее родственников. Все названные здесь Уваровы действительно находят отражение в источниках, связанных со Смоленском. Десятина 1606 г. перечисляет их сыновей: Михаила и Андрея Романовых, Ивана Матвеева, Богдана Низовцева, Ивана Курбатова, Севрина и Ивана Михайловых Уваровых⁴⁶. Тем не менее, свидетельство этой родословной вызывает сомнения. Опала почему-то затронула скромных Уваровых, и не отразилась на отце царевны — Б. Ю. Сабурове, сохранившим боярское звание и выполнявшим в 70–90-е гг. ряд ответственных поручений. Сами Уваровы появились в Смоленске задолго до описываемых событий. В 1552 г. с грамотами от смоленских наместников ездил Якуш Уваров, которого можно сопоставить с отцом Курбата и М. Я. Уваровых родословной. В 1571 г. Г. И. Уваров погиб вместе с другими смолянами во время похода Девлет-Гирея на Москву. Можно предположить, что названные здесь Уваровы получили смоленские поместья ранее 1575 г. Само же перечисление этой группы в родословной могло отражать какой-то смоленский делопроизводственный документ 60–70-х гг., но до 1578 г., когда Р.З. и В. (И.) Уваровы погибли в сражении под Кесью⁴⁷.

На годовой службе «в Смоленску»

Трудно оценить общее количество смоленских бояр и князей, оставшихся на своих землях, после перехода Смоленска в 1514 г. в руки Василия III. Многие из них, безусловно, сохранили верность своим литовским «сюзеренам». Другие же перешли на службу к московскому правительству, которое подтвердило права Смоленска выдачей особой жалованной грамоты (*«грамота жаловальная смоленская большая всей земле»*). Некоторые смоленские бояре были сразу же задействованы в войне. Реестр русских пленных 1519 г. содержит имя Ивана Ногишкина, *«смоляннина»*, среди тех, кто *«под замьки ж вкраинными пойманы»*. К 1525 г. он умер в плену⁴⁸. Вряд ли, однако, благонадежность этих *«смолян»* оценивалась как достаточно высокая. Заговор того же 1514 г. показал, что многие смоленские бояре при благоприятной политической ситуации были склонны вернуться на литовскую службу. Репрессии против явных участников этого заговора, предпринятые смоленским наместником князем В. В. Шуйским (*«начат князей смоленских и панов вешати з города на осядех»*), не могли решить

эту проблему. Первые «выводы» были сделаны, видимо, уже в конце 1514 — начале 1515 г. Белорусско-литовские летописи описывают это событие в весьма мрачных тонах: «Смолнян всих вывел (Василий III. — М.Б.) к Москве и там им именья подавал на Москве». Это выселение получило отражение в жалованных грамотах, выданных в 1515 г. П. Г. Марину (Маринину) и В. Я. Демьянову⁴⁹.

Насколько масштабным был этот «вывод»? Говорить о переселении «всех смолнян» нет оснований. Масштабы этого события были заметно преувеличены. Спустя два года, во время торжественного приема имперского посольства в Смоленске, должны были участвовать «князи и бояре смоленские». Позднее «бояре смоленские» указывали приставам «до которых мест пригоже проводить» послов⁵⁰. В родословной Демьяновых (Демьяновичей) сохранился эпизод, говорящий, что местное боярство в первые годы после завоевания продолжало играть здесь достаточно значимую роль. В 1516 г. была выдана жалованная грамота П. Кузовлеву и его брату Клишке «как было преж сего» — видимо, в рамках работы по размежеванию различных категорий земель. Крепостей, подтверждающих права на владение своими участками, у Кузовлевых не оказалось. В этом случае они прибегли к устной памяти соседних землевладельцев: «ведомо Василию Демьянову и Афанасию Садикову и иным бояром, что та вотчина их из старины». Сам В. Я. Демьянов на великокняжеской службе был пожалован кормлением⁵¹.

За пределами Смоленской земли выселяемые лица получали не только поместья, но и вотчины. Вотчина в Медынском уезде была пожалована, например, Д. Мирославичу. Ретроспективный слой можайской писцовой книги 1626–1627 гг., относящийся к 40-м гг. XVI в., перечисляет среди вотчинников князей Семена Коркодинова и Андрея Кропоткина с братьями⁵². Только из более поздних приписок к грамоте П. Г. Маринина выясняется, что переданные ему земли имели статус поместья. Грамоты, выдаваемые бывшим смоленским боярам, включали в себя полный великокняжеский титул, и по своему содержанию не отличались от грамот на жалованные вотчины. Можно предположить, что эти владения были получены ими в обмен смоленские земли. Многие бывшие смоленские бояре вошли в состав «литвы дворовой», одной из субкорпораций в составе Государева двора, и в этом качестве получили доступ к системе управления Русского государства⁵³.

Информация о «выводе» смолян в 1524 г. сохранилась также в посольских книгах («чего дея князь великий смолян на Москву привел?») и в Литовской Метрике⁵⁴.

Не отрицая многочисленные факты переселения смоленских бояр, хочется отметить, что некоторые из них остались на службе в Смоленском уезде и позднее вошли в состав местной служилой корпорации. Среди них были не только потомки щитных и панцирных слуг, но и представители собственно боярских родов, такие как, например, Коверзины и Садиловы. В 1534 г. из Смоленска в Мстиславль бежало несколько семей Коверзиных «и з жонами, и з детми... родом смолняне, отчичи вашей (Сигизмунда Казимировича. — М.Б.) милости». Много позднее, в 1580 г. шестеро Садиловых, «смоленские жильцы», были отправлены в опале в Казань⁵⁵. В Рославльском уезде, сформированном на территории бывшей Смоленской земли, вотчины также сохранили за собой местные бояре Роговцевы. Память о подтверждении владельческих прав земцев нашла отражение в более позднем источнике, «Повести о победах московского государства»: «Посем повеле (Василий III. — М.Б.) города Смоленска сиречь, которые тутошние помещики в своих же поместьях остались на его государево имя. И не повеле государь у них тех поместей отнимати, повеле им по прежнему владети, хто чем владел»⁵⁶.

К сожалению, все имеющиеся сведения о службе потомков смоленских бояр на территории самого Смоленского уезда за первую половину XVI в. немногословны и отложились в документах Литовской Метрики. Остаются вопросы о соответствии даваемых в этом источнике определений реалиям московской службы. Упомянутые Коверзины, например, значились здесь как «дети боярских помещиков великого князя из Смоленска». Пленник Иван Роговцев (Роговец) из реестра 1538 г. также был обозначен «з Рославля сын боярский». Не исключено, таким образом, что некоторые из местных землевладельцев не только сохранили за собой свои вотчины, но и получили статус полноценных детей боярских⁵⁷. Подобная практика существовала в Новгородской земле. Несмотря на «выводы» большей части представителей местных вотчинников, некоторые из них вошли в число новгородских помещиков. Так, если А. Савелов и братья Я. и П. Д. Луневы получили в поместья свои собственные земли, то, например, поместье С. Лисичникова было

составлено из участков других землевладельцев⁵⁸. Большинство других смоленских вотчинников, оставленных на своих землях, продолжило свою службу в качестве земцев. Эта политика объяснялась, возможно, желанием великокняжеской власти заручиться поддержкой смолян, особенно после бегства его виднейших представителей в Великое княжество Литовское.

Очевидно, что этого ресурса было недостаточно для того, чтобы обеспечить нужный баланс сил на территории Смоленской земли. Первые московские дети боярские были упомянуты в Смоленске еще в 1517 г. во время процедуры встречи имперского посольства. Из подробной записи церемонии приема видно, что гарнизон Смоленска был достаточно хорошо укомплектован. Только в процедуре встречи должно было присутствовать 200 детей боярских. М. М. Кром считал это свидетельством начавшихся в Смоленском уезде поместных раздач⁵⁹. В действительности, однако, для подобного вывода нет достаточных доказательств. Упомянутые дети боярские делились на две группы: городовые и дворовые. Присутствие здесь дворовых детей боярских показывает их пришлый характер. Эта категория очень поздно выделялась в составе смоленского служилого «города», вероятно, уже в 90-е гг. XVI в. Анализ территориальных связей перечисленных здесь лиц показывает, что все они были выходцами из центральных уездов страны. Никто из их потомков впоследствии не был связан со смоленской корпорацией.

Скорее всего, они представляли собой так называемых «*годовщиков*», группы детей боярских из разных областей, ежегодно сменявшие друг друга для несения службы. Годовая служба получила широкое распространение в Русском государстве в середине XVI в. Ее возникновение, однако, относится к значительно более раннему времени. Прямые упоминания о смоленской годовой службе содержатся в значительном числе актовых материалов. В 1520 г. «в Смоленску годовал» ярославец Иванча Андреев, в 1529 — переславец Шарап Баскаков, а в 1534 — клинянин Я. Ф. Ушаков. Десять смоленских годовщиков сопровождали посольский кортеж в 1536 г. В 1558 г. в посольской книге упоминается смоленский годовщик боровитин Руданка Барыбин⁶⁰. Подобным образом сменяли друг друга в Смоленске воеводы-годовщики и городничие.

Круг годовщиков был достаточно разнообразен. Сопоставление встречающихся в посольских книгах имен с материалами Тысячной книги и Дворовой тетради показывает, что среди них были представители многих городов «Московской земли». В частности, Г.С. Зеленин в Дворовой тетради числился по Рязани, Угрим Сухого Епишев — по Твери, князья Пожарские — в составе корпорации князей Стародубских, Тверитин Низовцев — по Зубцову, В. Зайцев — по Ярославлю, Ф. Гвоздев Урусов — по Мурому, И.Д. Челищев — по Калуге, сыновья Л.Д. Проестева — по Коломне, а сыновья Б.Ф. Невежина — по Рузе⁶¹. В некоторых случаях удается определить время «*годования*» в Смоленске того или иного «*города*». В приеме послов в 1536 г. были задействованы И.Ф. Ларев, князь Ю.Г. Мещерский и уже упоминавшийся Л.Д. Проестев. Все они по своему землевладению были связаны с Коломной. Очевидно именно коломенские дети боярские «*годовали*» в это время в Смоленске⁶².

Общая же численность годовщиков достигала временами весьма внушительных размеров. В 1536 г. в церемонии приема литовских послов принимали участие сразу 300 детей боярских. Позднее, после успешного завершения полоцкого похода 1563 г., когда в Смоленской земле уже появились свои помещики, здесь было оставлено 279 детей боярских «*можаич*» различного подчинения, сменивших годовщиков из числа бежичан (160 человек)⁶³.

Помимо годовщиков посольские книги содержат упоминания о казаках, принимавших активное участие в пограничных конфликтах. В 1524 г. литовские послы жаловались на грабежи мещан со стороны смоленских казаков: «*Приходят татбами, его людей грабят, и кривды и зацепки многие им делают*». Использование казаков — нерегулярных воинских сил имело дальнейшее продолжение. Во время взятия Казани 1553 г. погибло три казацких атамана — Северга Баскаков, Иван Тухачевский и Андрей Кобцев. Все три эти фамилии впоследствии были широко представлены среди смоленских детей боярских. Алексей Тухачевский в 1563 г., по семейной традиции, был казацким атаманом из Смоленска⁶⁴.

В 1526 г. в посольских книгах была зафиксирована еще одна группа служилых людей, которая, вероятно, также была связана с выполнением военных функций: «*Побежала с Белые и с Торопца Черемиса*

с женами и с детьми». Позднее, военную службу в Великом княжестве Литовском несли барские черемисы, которые, видимо, были потомками московских беглецов⁶⁵.

Присутствовали московские переселенцы и среди городского населения Смоленска. Имя Лариона Щеголя Ордынца, *«сведенца с Москвы в Смоленск»* сохранилось в кормовой книге Симонова монастыря.

Несмотря на очевидные изменения социальной структуры Смоленской земли можно констатировать позднее появление упоминаний о проводимых здесь поместных раздачах. Первые известия о смоленских помещиках относятся только к началу 40-х гг. XVI в. В 1543 г. во встрече литовского посольства участвовал смоленский помещик Офонка Обухов. В предыдущем, 1542 г. приставами из Смоленска были М. И. Битяговский, Р. Шушерин и Образец Дивов. Все они, и их потомки, впоследствии также известны в качестве смоленских помещиков.

В родословных данных только Кузьмины упоминали о своем переселении в Смоленск сразу после завоевания этого города Василием III. Но составленная ими родословная роспись хронологически совершенно несостоятельна. Не исключая отдельные примеры более ранних пожалований, видимо, именно начало 40-х гг. стало началом широких поместных раздач⁶⁶. Косвенно это предположение подтверждается неопределенным статусом Смоленска в Дворовой тетради — основном источнике по составу Государева двора середины XVI в. Известные по посольским книгам смоленские помещики в этом источнике были расписаны по другим городам: Р. С. Шонуров по Вязьме, а Е. Р. Шушерин — по Дорогобужу. Территориальная структура Дворовой тетради сложилась, по всей видимости, в конце 1530-х гг. Отсутствие в ней рубрики «Смоленск» говорит о том, что смоленские помещики не образовывали к этому времени отдельную корпорацию. Показательно, что смоленские помещики, как отдельная часть русской армии, не участвовали в казанской кампании 1553 г. Первое же их упоминание в разрядах относится только к 1555 г.⁶⁷

Можно только догадываться о причинах, побудивших московское правительство заморозить процесс поместных раздач на территории Смоленского уезда. Могла сыграть роль жалованная грамота, выданная Василием III в 1514 г. Смоленской земле. В определенных моментах она сохраняла свое значение спустя десятилетия с момента ее

выдачи — В. Б. Кобрин приводил примеры запрета приобретать вотчины на территории Смоленской земли московским монастырям⁶⁸. Обещание этой грамоты *«розводу нам князем, и бояром, и мещаном, и черным людем, и всем людем Смоленские земли никак не учинити»* формально не было нарушено. *«Выводы»*, скорее всего, сопровождались обменом, возможно равноценным, смоленских земель на владения в центре страны, с сохранением комплекса владельческих прав. Конфискации же земель у откровенных *«изменников»* не попадали под это правило. Подобное вольное толкование юридических норм было характерно для московской делопроизводственной практики⁶⁹.

Не стоит забывать и о том, что Смоленск долгое время оставался «камнем преткновения» в вопросе о заключении вечного мира между Русским государством и Великим княжеством Литовским, заинтересованность в котором в Москве была достаточно велика. Но самое главное, во втором десятилетии XVI в. у московского правительства был достаточно ограниченный ресурс для поместной колонизации. Масштабные поместные раздачи в Новгородской земле в конце XV — начале XVI в. значительно истощили наличный кадровый потенциал служилых людей. Помимо Новгородской земли поместья в конце XV — начале XVI в. активно раздавались также в новоприсоединенных Вяземском, Дорогобужском и Бельском уездах, а также на восточной окраине Русского государства — в Каширском и Тульском уездах. На поместьях находилось только первое поколение помещиков, а сама поместная система еще не начала процесс самовоспроизведения. На этом фоне приходилось сдерживать создание новых поместных корпораций, сохраняя на своих землях вотчинников из вновь присоединяемых к Москве территорий. В Рязани, в частности, землевладение местного боярства начало разрушаться только в годы опричнины.

Создать полноценную поместную корпорацию по образцу новгородской в Смоленске в этих условиях удалось бы далеко не сразу. Тем более, что прибывавшие сюда годовщики вместе со вспомогательными отрядами из казаков и местных земцев справлялись со своей задачей. Эта схема была рассчитана на постоянное обновление годовщиков, без задержек, в необходимом количестве и качестве. Далеко не всегда, однако, эти требования удавалось соблюсти на практике. Недостатки выработанной схемы были отчетливо продемонстрированы

в 1542 г. во время встречи очередного «*большого*» литовского посольства. Несмотря на инструкции, полученные из Москвы, смоленские наместники не смогли собрать требуемое для церемонии встречи число детей боярских. В свое оправдание они писали, что «*болши... послати было некого, съехали из Смоленска по домом*»⁷⁰. Пограничный характер службы заставлял некоторых из годовщиков надолго задерживаться в Смоленске. Разряд полоцкого похода 1563 г. показывает, например, что смоленские воеводы и городничие находились без замены в Смоленске уже два года.

Это обстоятельство повышало роль соседних дорогобужских, вяземских и, отчасти, можайских детей боярских в организации смоленской службы. В 1520 г. отряд из вязьмичей и дорогобужцев сопровождал литовское посольство от Смоленска. Дорогобужский помещик А. Резанов в 1524 г. был отправлен в Оршу, в 1525 г. с грамотами от смоленского наместника ездил вяземский сын боярский И. Д. Моклоков, а в 1536 г. литовского посла «*для бережения*» сопровождал В. Ю. Безобразов⁷¹. В конце 40-х и на протяжении 50-х гг. XVI в. в Смоленске среди воевод и городничих обязательно находились представители вяземской корпорации. В 1547 г. смоленскими городничими были С. С. и А. Д. Замыцкие. В 1551 г. смоленскими воеводами были И. И. Годунов и М. И. Салтыков, а смоленским городничим — И. В. Полуектов Бутурлин. Наконец, в 1558 г. «*в приказе*» в Смоленске служил князь Ю. Ю. Гагарин. Городничим в 1555 г. был дорогобужец Ф. Черного Кайсаров. Скорее всего, подобным образом обстояло дело и в более ранние годы⁷².

Хорошо известны были здесь и можайские дети боярские. Несколько раз обязанности смоленского пристава выполнял Рахманин Тилинин. Из «*брани князя Василия Микулинского с Ываном с Рудным-Кольчевым*» выясняется, что среди товарищей смоленских воевод присутствовало несколько представителей рода Долматовых, старинных можайских вотчинников. В 1547 г. вторым воеводой в Смоленске был В. Д. Данилов, а в следующем 1549 г. обязанности смоленского городничего выполнял Истома Монастырев. Оба они в Дворовой тетради были записаны по Можайску⁷³.

Близкие к Смоленску уезды, до начала массовых поместных раздач на территории самого Смоленского уезда, постепенно стали

рассматриваться в качестве базы для материального снабжения годовщиков из центральных уездов, оторванных на долгое время от своих собственных владений. Многие из имен годовщиков, известных по посольским и разрядным книгам, встречаются в писцовых книгах Вяземского и Можайского уездов. Поместьями в Можайском уезде владели Г. Зеленин, а также князь Ю. Г. Мещерский и И. Ф. Ларев. Помещиками Вяземского уезда были А. Ф. Загряжский (внук Д. Д. Загряжского), Б. и И. П. Нежежины, а также сыновья смоленского городничего 1551 г. Шемета Мотякина⁷⁴.

Механизм получения поместий в соседних уездах виден на примере Угрима Иванова Данилова. В 1549 г. он был одним из смоленских воевод. Петр Угримов Данилов в Дворовой тетради был записан по Вязьме, где, скорее всего, приобрел поместье благодаря службе своего отца⁷⁵. Как это было показано ранее, вяземская и дорогобужская корпорации внесли весомый вклад в формирование состава первых смоленских помещиков.

Государевы помещики

Первое упоминание о смоленских помещиках в посольских книгах произошло на следующий год после отмеченного *«конфуза»* смоленского наместника, не сумевшего организовать на должном уровне встречу литовского посольства. Скорее всего, это событие сыграло свою роль в активизации процесса поместных раздач. Процесс испомещения не был, да и не мог быть, одномоментным, и был значительно растянут во времени. Первые смоленские помещики были немногочисленны и не могли заменить годовщиков, что подтверждают сведения разрядов и посольских книг за 40-е — 60-е гг. XVI в. Число их, однако, росло быстрыми темпами. В 1553 г. во встрече литовского посольства участвовало 100 детей боярских *«смоленских помещиков»*. В 1556 г. очередная инструкция московского правительства предписывала привлечь для встречи уже 200 смоленских помещиков. Это число в итоге было набрано, но только с учетом привлечения годовщиков *«серпыян и моцинцев* (мещевцев? — М.Б.)». Полоцкий разряд 1563 г. говорит о том, что после взятия Полоцка войсками Ивана IV в распоряжении у смоленских воевод находилось уже 411 местных помещиков. В походе 1577 г. на *«ливонские немцы»* принимало участие 479 смоленских

помещиков. Инструкция же смоленским воеводам о встрече в 1580 г. папского посла Антонио Поссевино предусматривала участие в торжественной встрече детей боярских «*лутчих человек 600 или 700*»⁷⁶.

М. П. Лукичевым и В. Д. Назаровым на основании родословной Дивовых удалось установить, что в 1559 г. боярином И. П. Федоровым проводилось верстание смоленских помещиков, в котором принимал участие сам Иван IV — «*из статей сам смотрел*»⁷⁷. Очевидно к этому времени смоленская корпорация уже приобрела официальный статус.

Недостаток источников не позволяет определить в полной мере территориальные связи первых смоленских помещиков. Однозначно можно утверждать, что значительно число из них были выходцами из Переславского уезда. В 1560-е гг. в посольских книгах упоминаются С. Зубов, а также его известный впоследствии родственник И. Н. (Ширяев) Зубов. В переславских актах часто встречаются Зубовы, Дивовы и Обуховы, родственники названных ранее Образца Дивова и Афонки Обухова⁷⁸. Вероятно раннее появление здесь Баскаковых. Помимо казацкого атамана Северги Баскакова, погибшего в 1553 г. под Казанью, к этой фамилии принадлежал И. Д. Баскаков, убитый в 1571 г. во время нашествия Девлет-Гирея. О переводе в Смоленск «*при царе при великом князе Иоанне Васильевиче*» из Переславля свидетельствует родословная Нееловых, хотя представители этой фамилии владели поместьями также в соседнем Дорогобужском уезде⁷⁹.

Стоит отметить, что однофамильцы будущих смолян часто фигурируют в одних и тех же поземельных актах. В 1554 г., например, Г. Ф. Ефимьев был послухом в купчей Баскаковых в Переславском уезде. В 1603/04 г. ситуация повторилась: «*смолянин*» С. Н. Ефимьев послушествовал в закладной Ф. Т. Шемяки Баскакова, который вместе со своими братьями и сам служил по Смоленску. В Дворовой тетради Ефимьевы также были записаны по Переславлю⁸⁰. Сложившиеся территориальные связи способствовали компактности переселения на новое место службы. По Боровску в Дворовой тетради были записаны Битяговские⁸¹. С Серпейском связывали свое происхождение Тухачевские. Для остальных смоленских помещиков происхождение из тех или иных уездов можно установить чисто гипотетически, тем более, что некоторые из них впоследствии не связали свои судьбы со смоленской корпорацией. В документах начала XVII в. отсутствуют Чертовы,

Савлуковы, Унковские и Косищевы. Очевидно, смоленская служба для представителей этих фамилий носила временный характер⁸².

Годовщики составили, видимо, основу первых смоленских помещиков. Можно обнаружить несколько примеров связи между годовщиками и будущими смоленскими помещиками. По Смоленску в начале XVII в. были записаны сыновья Истома Монастырева, смоленского городничего 1547 г.⁸³ Впоследствии по той же схеме смоленские поместья для своих детей приобрел Б. Б. Захаров, выполнявший в 1580 г. обязанности дьяка в Смоленске⁸⁴.

Важно отметить, что введение опричнины не оказало принципиального влияния на изменения личного состава смоленских помещиков, хотя, вполне вероятно, что часть переселяемых из опричных уездов детей боярских, перебралась на территорию Смоленского уезда. Вполне вероятно, что именно изменение политической ситуации в стране привело к возвращению в Смоленск потомков местных бояр, служивших в качестве «*литвы дворовой*» по Медыни. Среди них были Полтевы, Свитины, Лосминские и, возможно, Соколовы. Григорий Полтев, смоленский помещик, в 1570 г. ездил с грамотами от московских послов. Богдан Свитин в 1565 г. также был известен в этом качестве. Представители этих фамилий присутствовали в десятне 1606 г.⁸⁵ Переход в опричное ведомство Вязьмы и Можайска также должен был активизировать начатый в предыдущие десятилетия процесс переселения служилых людей из этих территорий в Смоленский уезд.

Своеобразный срез смоленских помещиков представляет список имен в «Синодике, убиенных во брани», «*которые померли в царев приход крымского царя Девлет Кирея*» в 1571 г. В этом источнике смоляне были представлены под двумя рубриками: «*Смольняне згорели*» и «*Смольняны побиты*». В первом случае, очевидно, произошло напластование нескольких рубрик. Только два первых имени — Девятого Анисимова Булычева и Степана Степанова Кузьмина явно принадлежали смоленским помещикам. После них были записаны представители других корпораций, в том числе новгородские помещики С. С. Ярышкин, М. Немиров Ушаков и М. С. Зук Тыртов. Более цельное впечатление оставляет вторая из перечисленных рубрик, все имена в которой находят подтверждение в других источниках, связанных со Смоленском⁸⁶. Анализ этих имен показывает, что рост численности

смоленской корпорации происходил в том числе за счет внутренних ресурсов — активного привлечения к службе представителей земских фамилий. В общем ряду погибших, по крайней мере, трое были выходцами из земцев — Иван Матвеев Шестаков, Иван Леонтьев Дернов и Богдан Иванов Копылов. Начиная с 60-х гг. представители земских фамилий начинают встречаться в посольских книгах в качестве гонцов.

В 1562 г. двое земцев участвовали во встрече литовского посланника. Небольшое число земцев, наряду со смоленскими помещиками, участвовало в полоцком походе 1563 г. В следующем году в качестве гонцов от смоленских воевод ездили Кузьма Ортухов и Еня Ширков. Земец М. Садилов упоминается в 1576 г.⁸⁷ Десятня новиков 1596 г. показывает, что смоленская корпорация в это время делилась на две части: собственно дети боярские и земцы. При создании этой корпорации была использована отработанная в Новгородской и Псковской землях схема, предусматривавшая несение службы земцами по особым спискам.

Десятня новиков показывает, что к концу XVI в. сохранявшееся деление на земцев и детей боярских было уже довольно условно. Земцы к этому времени участвовали в поместных раздачах, то есть, принципиально не отличались от других служилых людей смоленского «города». Явные выходцы из земских фамилий Р.В. Четов, А.С. Бердяев, а также А.К. и И.К. Груздавцевы, вошли в число детей боярских. Очевидно, некоторые из земцев еще при существовании размежевания могли переходить в состав детей боярских⁸⁸.

Смоленская десятня 1606 г. окончательно устранила это размежевание. Фамилии «земцев» и «детей боярских» в ней были взаимно перемешаны друг с другом, в зависимости от служебного статуса, хотя на бытовом уровне подобное деление сохраняло свое значение. В 1606 г. при встрече польского посольства смоленским наместникам предписывалось отправить с грамотой «сына боярского или земца». В «Повести о победах Московского государства» упоминаются смоленские «дворяне и земцы». Уже приводился пример с земцами Козловскими, выпросившими себе в 1610 г. смоленское поместье у короля Сигизмунда⁸⁹.

С высокой долей вероятности можно предположить, что проникновение земцев в круг детей боярских началось значительно ранее конца XVI в. К числу коренных смолян принадлежали, видимо, Озеренские.

Озеренский стан существовал на территории Смоленского уезда. Донской Семенов Озерецкой (Озеренский) встречался в десятне 1596 г. среди земцев. С другой стороны, еще в 1566 г. сын боярский Федор Озеренский ездил от смоленских воевод на рубеж⁹⁰. Некоторые из бывших земцев согласно десятне 1606 г. приобрели даже статус дворовых детей боярских. Обращает внимание компактность расположения их имен в этом источнике. Первый блок, помещенный среди детей боярских с окладом в 450 четвертей, включал в себя Т.В. Алтуфьева, С. Карманова Шестакова, В.И. Петрыкина, Ю.В. и Б.И. Шестаковых. Вторым, расположенным уже ниже, в окладе 400 четвертей — И.П. Коптяжина, И.Ф. Ильищева, И.В. Шестакова, Лиховата Ширяева Лыкошина, Н.М. Озеренского, Н.Т. Лыкошина, Посника Т. Шестакова и С.А. Коверзина. В этой же рубрике чуть ниже обнаруживается и третий блок, состоящий из Г.М. Шестакова, Б.И. Лосминского и Г.М. Озеренского. Для большинства из них очевидны связи со смоленским боярством⁹¹.

Характерно, что в дальнейшем при перечислении дворовых детей боярских, которые служили *«со отцы»*, подряд упоминаются представители тех же самых фамилий: Зилот Зиманов Озеренский, И.Д. Петрыкин, И.Е. Лакушин (Лыкошин), М.Т. Шестаков, Б.Е. Озеренский, Г.В. Петрыкин и Г.Б. Шестаков. К ним добавились также Нелюб В. Раков и Рахманин Дернов, для которых происхождение из земцев является весьма вероятным⁹². Наконец, в списке дворовых новиков *«в сотниках»* вместе были названы Б.Т. Шестаков и А.В. Петрыкин. Подобные примеры можно обнаружить и при перечислении городских детей боярских⁹³. Вполне вероятно, что десятня 1606 г. опиралась на какие-то предшествующие ей списки земцев.

Анализ десятни новиков 1596 г. показывает, что в целом земцы не слишком высоко котировались в служебном отношении. Если новики из *«московских»* фамилий начинали свою службу с оклада в 300 четвертей, то для новиков из числа земцев этот уровень был в два раза ниже — всего 150 четвертей⁹⁴. В десятне 1606 г. почти все они были записаны в качестве городских детей боярских. Исключительно из их числа комплектовались дети боярские, *«которые осадную службу служат»*.

Часть земцев этого времени могла быть еще не поверстана в службу, что объясняет наличие в десятне «1574» г. ряда фамилий, например

Ивошиных-Корытовых, которые не встречаются в других источниках. Неслужилые земцы не слишком выделялись из городских «разночинцев». Смоленская крестоприводная грамота 1598 г. упоминает среди пятидесятников, которые в большинстве случаев набирались из числа посадского населения, В. Х. Дернова и Л. А. Ширкова. Вполне вероятно, что они принадлежали к известным в Смоленской земле земским фамилиям. Согласно десятне 1606 г. осадную службу несли сразу 33 представителя Дерновых и несколько Ширковых.

Земцы представляли собой богатую питательную среду, из которой вышла значительная часть смоленских детей боярских начала XVII в. С определенной долей условности в составе смоленской корпорации согласно десятне 1606 г. можно насчитать не менее 440 потомков прежних смоленских бояр (35,12% от общей численности). Это соотношение подтверждается в десятне новиков 1596 г. Здесь было записано 75 детей боярских и 36 земцев. Без учета Полтевых, Р. В. Чечетова, А. С. Бердяева и Груздацевых, переведенных в «*дети боярские*», выходцами из земцев были 32,4% смоленских новиков.

Другой отличительной особенностью смоленской корпорации, особенно в сравнении с соседними «*городами*» — Вязьмой и Дорогобужем, было отсутствие в ней представителей виднейших аристократических фамилий. Если не брать в расчет детей боярских смоленских архиепископов, принятых в состав смоленского «*города*», то генеалогический состав смоленских служилых людей отличался худородностью. Лишь некоторые фамилии можно было с определенной степенью условности отнести к «*добрым*»: Полтевы, Дедевшины, Башмаковы, Беклемишевы, Чихачовы, Корсаковы, Шушеринины, Битяговские, Монастыревы. Далеко не все из них, однако, сумели проявить себя на смоленской службе.

Первые места в смоленском «*городе*» занимали в начале XVII в. выходцы из «местных» фамилий, не имевшие прежде представителей в структуре Государева двора. Не известны Дворовой тетради были, например, Зубовы и Дивовы. Многочисленные Зубовы занимали довольно скромное положение среди переславских служилых людей. Поздние поместные раздачи в Смоленском уезде существенно отличались от «шаблона» предыдущих десятилетий. В Вяземском и Дорогобужском уездах, например, московское правительство изначально стремилось создать нужные ему структуры поместных корпораций,

переселяя туда представителей княжеских и боярских родов. В Смоленском уезде поместная колонизация шла более хаотично. Значение имело быстрое наращивание количественной массы служилых людей, а не их качественный состав.

Возвышение Смоленска в ряду других служилых корпораций было положено правительством Василия Шуйского. Смоленские дети боярские активно участвовали в подавлении восстания Болотникова и *«московском сидении»*. Отряды смолян спустя несколько лет сыграли важную роль в организации Второго земского ополчения. Начиная со второго десятилетия XVII в. сплоченное и организованное смоленское дворянство, сохранившее и даже укрепившее свое единство после потери Смоленска, добилось существенного представительства в системе Государева двора, как количественного, так и качественного. Впоследствии многие из смолян, в том числе потомки земцев (Бердяевы), добились права на внесения своих фамилий в официальные родословные росписи. Достаточно многочисленными были примеры исполнения ими воеводских и придворных служб. Эти достижения, однако, были обусловлены политическими реалиями уже другого времени.

Ссылки

¹ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. — М., 2010. — С. 235.

² Мальцев В. П. Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). — Смоленск, 1940; Александров С. В. Социально-экономическое и политическое развитие Смоленской земли в конце XV — начале XVII вв. — Брянск, 2008; Ширяев С. Д. Смоленск и его социальный ландшафт в XVI — XVII веке. — Смоленск, 1931; Маковский Д. П. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. — Смоленск, 1963.

³ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. — С. 256.

⁴ Лукичев М. П., Назаров В. Д. Из родословной Дивовых. Известия «статейного списка» по истории земских соборов и Смуты конца XVI — начала XVII вв. // Исторический архив. — 1994. — № 6. — С. 167–177; Сухотин Л. М. Замечания о десятне 1574 г. // Журнал Министерства народного просвещения. — 1914. Новая серия. — Ч. 54. — Декабрь. — С. 240–259.

⁵ Синодик по убиенным во брани (далее — Синодик) // Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. — М., 1986. — С. 180–182, 184; Лихачев Н. П. Десятни новиков, поверстанных в 1596 году (далее — Десятни новиков) // Известия русского генеалогического общества. — СПб., 1909. — Вып. 3. — С. 183–186; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. (далее — ТКДТ). — М.; Л., 1950. — С. 243–245.

⁶ Разборная десятня 1574 года по Смоленску (далее — Десятня «1574» г.). — Летопись историко-родословного общества. — М., 1913. — Вып. 1–2. — С. 82–99.

⁷ Сухотин Л. М. Замечания о десятне 1574 г. — С. 240–259; Мальцев В. П. Борьба за Смоленск. — С. 55; Лукичев М. П., Назаров В. Д. Из родословной Дивовых. — С. 170. Эта десятня, тем не менее, была использована С. В. Александровым для анализа развития помещного землевладения в Смоленском уезде. См.: Александров С. В. Смоленская осада 1609–1611. — М., 2011. — С. 30, 40–43.

⁸Сборник русского исторического общества (далее — Сб. РИО). — СПб., 1857. — Т. 59. — С. 145; Десятня 7114 года по Смоленску (далее — Десятня 1606 г.) // Мальцев В. П. Борьба за Смоленск. — С. 365, 367–370.

⁹Сб. РИО. — Т. 59. — С. 349–350, 531; Синодик. — С. 184; Десятня 1606 г. — С. 378, 384, 386, 388.

¹⁰В 1571 г. во время нашествия Девлет-Гирея погиб «смолянин» Б. Горяйнов Волосатого, а в 1579 в битве на Кеси — Мясоед Коверин Оболюсов (Документы по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР. Вторая половина XVI — середина XVII вв. — Казань, 1990. — С. 37).

¹¹Десятня «1574» г. — С. 83; Десятня 1606 г. — С. 387.

¹²Десятня «1574» г. — С. 84, 98.

¹³Там же. — С. 82, 83, 87, 88.

¹⁴Десятни новиков. — С. 185–186; Акты, относящиеся к истории Западной России (далее — АЗР). — СПб., 1851. — Т. 4. — С. 388; Десятня «1574» г. — С. 84, 85, 89, 91, 95.

¹⁵Десятня «1574» г. — С. 86, 87.

¹⁶Сухотин Л. М. Замечания о десятне 1574 г. — С. 249; Десятня «1574» г. — С. 98; Десятня 1606 г. — С. 385, 386, 388, 390; АЗР. — Т. 4. — С. 362; Сб. РИО. — М., 1913. — Т. 142. — С. 375.

¹⁷Сб. РИО. — Т. 142. — С. 375; Г. Т. Воинов Битяговский по сказке 1633 г. находился в службе 25 лет (Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. — М., 1979. — Ч. 1. — С. 230); Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608. Сб. документов. — М., 2003. — С. 84.

¹⁸Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С. 515.

¹⁹Десятня «1574» г. — С. 84, 89, 90, 98.

²⁰Там же. — С. 82, 83, 86, 88, 89, 90, 95; Десятня 1606 г. — С. 367, 372, 375, 381, 388, 389; Шумаков С. А. Сотницы, грамоты, записи. — М., 1911. — Вып. 6. — С. 40.

²¹Десятня «1574» г. — С. 85, 88, 91; Десятня 1606 г. — С. 364, 370, 379.

²²Александров С. В. Смоленская десятня 1606 г. // Вопросы истории. — 2008. — № 7. — С. 153–155.

²³Десятня «1574» г. — С. 88; Мордовина С. П., Станиславский А. С. Смоленская крестоприводная книга 1598 г. // Источники

по истории русского языка. — М., 1996. — С. 162. Он же, видимо, в десятне 1606 г. был записан среди детей боярских «*со отцы*».

²⁴Десятня «1574» г. — С. 88, 89. Очевидно Константин и Федор Кожины были братьями. В таком случае, речь идет о К. и Ф.Л. Кожинных, известных по десятне 1606 г.: АЗР. — Т. 4. — С. 339.

²⁵Десятня «1574» г. — С. 89, 96; АЗР. — Т. 4. — С. 357. Дети боярские Василий и Иван Неклюдовы упоминаются в 1605 г. в деле об измене смоленских посадских.

²⁶Десятня «1574» г. — С. 82, 88, 89; АЗР. — Т. 4. — С. 380, 396. Возможно к А. Суколенову должна была относиться помета «*дьячии дети*», отнесенная в десятне к братьям Зубовым, см.: Десятни новиков. — С. 186.

²⁷Боярские списки. — Ч. 1. — С. 230; Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1209 (Алексин). Стб. 896/31444. № 7.

²⁸АЗР. — Т. 4. — С. 342, 368; РГАДА. Ф. 1209 (Алексин). Стб. 896/31444. № 7.

²⁹Сухотин Л.М. Замечания о десятне 1574 года. — С. 248. Пример одинаковых и весьма распространенных отчеств у Писаревых и Шишковых (Шишкиных) вряд ли можно считать достаточным доказательством.

³⁰Акты служилых землевладельцев (далее — АСЗ). — М., 1999. — Т. 2. — № 20. — С. 36–37; Синодик. — С. 184; Шумаков С.А. Обзор грамот коллегии экономии. — М., 1917. — Вып. 4. — С. 451.

³¹Десятня «1574» г. — С. 82–88, 90–94.

³²Десятня «1574» г. — С. 90; Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 гг. — СПб., 1894. — С.53.

³³Писцовые книги Московского государства XVI в. (далее — ПКМГ). — СПб., 1877. — Ч.1. — Отд.2. — С. 1210; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 539. Л. 896 об.

³⁴ПКМГ. — Ч. 1. — Отд.2. — С. 457; Малов А.В. Торопецкая верстальная десятня 114-го (1605/06) — 115-го (1606/07) гг. // Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы Средних веков и раннего Нового времени. — М., 2009. — Вып. 1. — С.13, 17, 25; Боярские списки. — Ч. 1. — С. 101. Р.С. Хрипунов служил «*ис Торопца*» в 1613 г.

³⁵Разрядная книга 1475–1598 гг. — С. 174, 190; ТКДТ. — С. 102.

³⁶ Антонов А. В. Акты Костромских монастырей // Русский дипломатарий (далее — РД). — М., 2001. — Вып. 7. — С. 109; АСЗ. — Т. 2. — № 340. — С. 299; Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. — М., 1998. — № 145–146. — С. 285; Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. — М., 1891. — Кн. 8. — С. 146, 147–150, 151, 157–161, 163 и далее; ПКМГ. — Ч. 1. — Отд. 2. — С. 1228, 1229,

³⁷ Сб. РИО. — СПб., 1882. — Т. 35. — С. 153; ТКДТ. — С. 207; ПКМГ. — Ч. 1. — Отд. 2. — С. 832, 833, 836, 848, 849.

³⁸ Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // РД. — М., 2004. — С. 50; ПКМГ. — Ч. 1. — Отд. 2. — С. 844, 845. Как и Полтевы, Соколовы служили также по Мещовску, чем, возможно, объясняет определение «*Мещера*», применённое к ним в десятне.

³⁹ И. Н. Арцыбашев в 1606 г. был выборным дворянином по Алексиному, см.: АСЗ. — М., 2002. — Т. 3. — № 159; Кормленная книга Костромской чети. — С. 138, 144, 195.

⁴⁰ Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI в. // РД. — М., 1998. — Вып. 4. — С. 132; Шумаков С. Обзор грамот Коллегии экономии. — М., 1917. — Вып. 4. — С. 336; Сторожев В. Н. Тверское дворянство XVII века. — Тверь, 1891. — С. 61, 82, 84, 85; ПКМГ. — Ч. 1. — Отд. 2. — С. 616, 784; Боярские списки. — Ч. 1. — С. 75 и далее; Сухотин Л. М. Замечания о десятне 1574 года. — С. 248.

⁴¹ ТКДТ. — С. 243–244.

⁴² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10815. Л. 445; Источники истории города Вологды Вологодской губернии. Список с писцовой книги города Вологды, сделанный в 1629 году. — Вологда, 1904. — С. 90.

⁴³ Десятня «1574» г. — С. 93, 94, 96; Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее — ПДС). — СПб., 1851. — Т. 1. — Ст. 487.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 60. № 255; Кн. 2. № 33, 121, 327; М. И. Битяговский в 1542 и 1549 гг. был приставом из Смоленска. Его сын Василий упоминался в 1558 г. В 1582–1583 гг. Н. В. Посник Битяговский, брат Воина, был выборным от Смоленска на съезде о размежевании границ (Сб. РИО. — Т. 59. С. 170, 302, 563).

⁴⁵ РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. Кн. 267. Л. 501; Десятня 1606 г. — С. 367.

⁴⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. — М.,

1963. — С. 460–461; Десятня 1606 г. — С. 366, 367–369, 371–373.

⁴⁷ Сб. РИО. — Т. 59. — С. 356; Синодик. — С. 180, 184.

⁴⁸ Антонов А. В., Кром М. М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // Архив русской истории. — М., 2002. — Вып. 7. — С. 161, 164. «Смолнянином», возможно, был также Никита Ильяшов (Илищев). В 1525 г. здесь упоминается также «смолнянин» Лосвин (Лосминский?).

⁴⁹ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. — С. 255; ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 169; АСЗ. — Т. 1. — № 152. — С. 125–126; АСЗ. — М., 2002. — Т. 3. — № 111. — С. 97.

⁵⁰ ПДС. — Т. 1. — Ст. 180, 182.

⁵¹ АСЗ. — Т. 1. — № 83–84. — С. 65–66;

⁵² Акты русского государства 1505–1526 гг. — М., 1975. — № 119. — С. 120; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 106об., 1016об.

⁵³ В Можайском, Переславском и Московском уездах в конце 30-х — начале 40-х гг. XVI в. зафиксированы компактные группы «смолнян». Различия между ними и «литвой дворовой» могли объясняться разным временем переселения. Никто из «смолнян» писцовых книг не был отмечен в Дворовой тетради. Все они, очевидно, обладали более низким статусом.

⁵⁴ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. — С. 256.

⁵⁵ Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. / Изд. М. М. Кром // Памятники истории Восточной Европы. — Москва-Варшава, 2002. — Т. 7. — С. 86–87; Документы по истории Казанского края. — С. 37.

⁵⁶ Повесть о победах Московского государства. — Л., 1982. — С. 28.

⁵⁷ В том же реестре был записан Грыдя Савелов «земец».

⁵⁸ Писцовые книги Новгородской земли. — М., 1999. — Т. 1. — С. 175, 232, 237.

⁵⁹ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. — С. 257.

⁶⁰ АСЗ. — Т. 1. — № 146. — С. 116; Лихачев Н. П. Сборник актов, собранных в библиотеках и архивах. — СПб., 1895. — С. 190–192; Федотов-Чеховский А. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. — Киев, 1860. — Т. 1. — С. 59; Сб. РИО. — Т. 59. — С. 562.

⁶¹ ТКДТ. — С. 123, 143, 158, 159, 167, 182, 196.

⁶² Сб. РИО. — Т. 59. — С. 63–64.

⁶³ Там же. — С. 63; Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода // РД. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 150, 153.

⁶⁴ Сб. РИО. — Т. 35. — С. 681; Синодик. — С. 178; Записная книга Полоцкого похода. — С. 150.

⁶⁵ См. о них: Ильбина Н. В. «Барские чемерисы» (черемисы) в селах и местечках Барского староства в XVI–XVII вв. — Йошкар-Ола, 2012.

⁶⁶ Летопись Рачинского, рассказывая о переселении смоленских бояр в 1514 г. говорит о передаче их владений «*москвичам*»: «*А москвичом подавал именья у Смоленску*». В этом случае, однако, речь могла идти о передаче конфискованных земель в дворцовое ведомство или создании на их основе «*кормленских*» земель, доходы с которых шли в пользу смоленских наместников и волостелей.

⁶⁷ РК 1475–1598 гг. — С. 149 («*Смоленских помещиков выбором лутчих людей*»).

⁶⁸ Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). — М., 1985. — С. 74–75.

⁶⁹ Показателен эпизод с захватом Ивана Ботвиньева. В ответ на запрос о его выдаче московская сторона начала ссылаться на традиционные права боярского отъезда: «*Ивашка Ботвиньев слуга волной, приехал к нам служити, а и наперед того к нам волные люди ездили, а и ныне к нам приехал волной же слуга*» (Сб. РИО. — Т. 35. — С. 83).

⁷⁰ Сб. РИО. — Т. 59. — С. 145.

⁷¹ Сб. РИО. — Т. 35. — С. 595, 683, 699; Т. 59. — С. 42.

⁷² Разрядная книга 1475–1598 гг. — С. 112, 130, 152, 160.

⁷³ Сб. РИО. — Т. 35. — С. 486, 501, 783; ПДС. — Т. 1. — С. 184; Сб. РИО. — Т. 59. — С. 63; ЧОИДР. — М., 1910. — Кн. 4. Смесь. — С. 18–20; Разрядная книга 1475–1598 гг. — С. 112, 115; ТКДТ. — С. 184.

⁷⁴ Сб. РИО. — Т. 35. — С. 561, 573; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 178, 309, 1363; ПКМГ. — Ч. 1. — Отд. 2. — С. 657, 660; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 344об., 820об., 887, 908, 917, 1001.

⁷⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. — С. 130; ТКДТ. — С. 173.

⁷⁶ Сб. РИО. — Т. 59. — С. 382, 486; Баранов К. В. Записная книга Полоцкая похода. — С. 153; Разрядная книга 1475–1605 гг. — М., 1982. — Т. 2. — Ч. 3. — С. 458; ПДС. — Т. 1. — С. 40.

⁷⁷ М. П. Лукичев, В. Д. Назаров. Из родословной Дивовых. — С. 170.

⁷⁸ В 1567 г. одним из вотчинников Переславского уезда был Антон

Иванов Обухов, которого можно отождествить с отцом смоленского сына боярского Алексея Антонова Обухова, упомянутого в десятне 1606 г. . Послухами у него были И. и Посник Любимовы Головачевы (Шумаков С. Обзор грамот коллегии экономии. — Вып. 4. — С. 255–256).

⁷⁹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 430. Л. 455–456; ТКДТ. — С. 192.

⁸⁰ Шумаков С. Обзор грамот коллегии экономии. — Вып. 4. — С. 348; АСЗ. — Т. 2. — № 20. — С. 36; ТКДТ. — С. 140.

⁸¹ ТКДТ. — С. 175. Битяговские упоминаются также в поземельных актах Московского уезда.

⁸² Ширяй Охматов Савлуков погиб в 1571 г.

⁸³ Разрядная книга 1475–1598 гг. — С. 120; Десятня 1606 г. — С. 368, 371.

⁸⁴ ПДС. — Т. 1. — С. 960; Десятня 1606 г. — С. 368, 373.

⁸⁵ ТКДТ. — С. 207; Сб. РИО. — СПб., 1892. — Т. 71. — С. 302, 791. Фамилия Лосминских происходит от речки Лосминки, протекающей неподалеку от Смоленска. Здесь же был известен и Лосминский овраг.

⁸⁶ Синодик. — С. 182, 184.

⁸⁷ Сб. РИО. — Т. 71. — С. 47, 174, 177. Земцами были, вероятно, также Иванко Брюшков и Семенка Гридкин (Баранов К. В. Записная книга Полоцкого похода. — С. 121; Посольская книга по связям России с Польшей (1575–1576 гг.) // Памятники истории Восточной Европы. — М., 2004. — С. 71).

⁸⁸ Десятни новиков. — С. 184.

⁸⁹ Сб. РИО. — СПб., 1912. — Т. 137. — С. 239; Повесть о победах Московского государства. — С. 6; АЗР. — Т. 4. — С. 388.

⁹⁰ Десятни новиков. — С. 185; Сб. РИО. — Т. 59. — С. 338.

⁹¹ Десятня 1606 г. — С. 368, 369. Среди можайской «литвы дворовой» в Дворовой тетради были записаны Петрыкины. К старым смоленским боярским родам принадлежали Алтуфьевы. В десятне А. В. Новиков, И. Д. Петрыкины, Н. Т. Алтуфьев числились среди земцев. Здесь же встречаются А. Т. Коптяжин, И. и К. Ф. Шестаковы.

⁹² Д. Третьяков Раков встречался среди земцев в десятне новиков.

⁹³ Десятня 1606 г. — С. 370.

⁹⁴ Десятни новиков. — С. 185–186.